

Шишкина Олимпиада Петровна

**Князь Скопин-Шуйский, или
Россия в начале XVII столетия**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
О-54

О-54 **Олимпиада Петровна Ш.**
Князь Скопин-Шуйский, или Россия в начале XVII столетия / Шишкина Олимпиада Петровна – М.: Книга по Требованию, 2023. – 563 с.

ISBN 978-5-521-31241-2

ISBN 978-5-521-31241-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КНЯЗЬ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ, или РОССІЯ въ НАЧАЛѢ XVII СТОЛѢТІЯ.

Сочиненіе О. ШИШКИНОЙ.

Часть первая.

„О таковомъ знаменитомъ человѣцѣ
проплака вся земля неутѣшно, и горь-
каго того же рыданія немощно изглаго-
лати днесь“.

Аврамій Палицынъ.

„Отъ древнихъ до новѣйшихъ вре-
менъ Россіи, никто изъ подданныхъ не
заслуживалъ ни такой любви въ жизни,
ни такой горести и чести въ могилѣ!“

Карамзинъ.

КНЯЗЬ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ,

ИЛИ

РОССІЯ въ НАЧАЛѢ XVII СТОЛѢТІЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Долго, слишкомъ долго искали мы исключительно образованія чуждаго, оставляющаго человека одинокимъ въ кругу ближайшихъ предметовъ, безъ пользы для себя, безъ пользы для другихъ. Надѣяться можно, что и сіи предрассудки полуобразованія скоро исчезнутъ между нами: тогда мы увидимъ, что стяжаніе Европейскаго просвѣщенія можетъ сливаться съ глубокимъ чувствомъ отечественнаго достоинства, и что намъ стремиться должно къ тому, чтобы соединять въ одно умъ, открытый для всѣхъ благородныхъ впечатлѣній, для всѣхъ успѣховъ просвѣщенія общаго, и сердца страстно любящее свое, гордящееся своею народностью, и коему, какъ говорить Гомеръ, „и дымъ отечества пріятенъ и любезенъ“.

Уваровъ.

Въ началѣ XVII столѣтія, когда первый Лжедимитрій владѣлъ Россією, въ Китай-городѣ, по близости Богоявленскаго монастыря, находился одинъ изъ огромнѣйшихъ въ Москвѣ деревянныхъ домовъ, особенно замѣчательный по высокой своей кровлѣ, на-двое раздѣленной перилами. Противъ него былъ обширный дворъ, а по лѣвую его сторону пространный садъ, въ которомъ плодовые деревья и кусты были посажены безъ всякаго порядка, и въ иныхъ мѣстахъ столь тѣсно, что, когда они разрослись, между ними почти такъ же трудно было ходить, какъ въ дикомъ лѣсу. Садъ съ дворомъ, какъ и всѣ строенія, прилегающія къ господскимъ хоромамъ, обнесены были заборомъ изъ сосновыхъ бревенъ. Онъ

казался весьма крѣпкимъ и, оберегая живущихъ за нимъ отъ буйства поляковъ, въ плачевныя тѣ времена всюду нагло безчинствовавшихъ, не мѣшалъ любоваться величественными и живописными зданіями Кремля. X

Означенный домъ принадлежалъ княгинѣ Еленѣ Петровнѣ, вдовѣ боярина князя Василья Ѳеодоровича Скопина-Шуйскаго, бывшаго, въ первые годы царствованія Ѳеодора Ивановича, намѣстникомъ въ Новгородѣ. Исполненный твердости и проницательности, онъ равно успѣвалъ въ сношеніяхъ со Шведами соблюдать достоинство своего Государя и предохранять себя самого отъ навѣтовъ властолюбиваго Годунова, который, какъ извѣстно, униженіемъ и гибелью знатнѣйшихъ вельможъ старался открыть себѣ путь къ престолу, не воображая, что онъ готовитъ собственному семейству ужаснѣйшую участь. Общее, долго господствовавшее мнѣніе, что женщинамъ прилично заниматься однимъ хозяйствомъ, казалось умному князю весьма неосновательнымъ. Онъ радовался, что нѣжно любимая имъ жена желала всему учиться, и старался доставить ей всѣ къ тому средства, не сомнѣваясь, что и самъ пріобрѣтетъ несравненно болѣе наслажденій, когда она будетъ способна раздѣлять всѣ его радости, заботы и надежды. Имѣя сношенія со всѣми именитыми иностранцами, пріѣзжавшими въ Россію, онъ часто принималъ ихъ въ присутствіи княгини, и сія послѣдняя въ обществѣ отлично образованныхъ людей, усовершенствовала познанія, весьма тогда рѣдкія въ Россіи, особенно между женщинами. X

Князь Василій Ѳеодоровичъ скончался въ 1594 году. Не смотря на глубокую печаль свою, княгиня не послѣдовала примѣру большей части вдовъ того времени, которыя, по какому то чудному предубѣжденію, или, лучше сказать, слѣпо покоряясь для нихъ самихъ вреднымъ предразсудкамъ, считали себя совершенно бесполезными для семействъ своихъ и, лишившись мужа, спѣшили заключиться въ монастырь, не всегда будучи къ тому побуждаемы искреннею набожностью. Напротивъ того, княгиня сочла себя обязанною посвятить жизнь свою малолѣтнему сыну и всѣми силами старалась оправдать довѣріе супруга, который, разставаясь съ жизнію, среди тяжкихъ страданій, съ отрадою мыслить, что единственный его наслѣдникъ остается на рукахъ добродѣтельной и просвѣщенной матери. X

Когда Лжедимитрій прибылъ въ Москву, Еленѣ Петровнѣ было сорокъ пять лѣтъ. Глубокая, можетъ быть излишняя, чувствительность истребила красоту ея и измѣнила ея нравъ. Она была блѣдна и худая; веселость ея превратилась въ грустную задумчивость и она не только не восхищала своею любезностью, но весьма немногіе цѣнили вновь открывшіяся въ ней достоинства и услаждали заботы ея дружескимъ сочувствіемъ. Славившись прежде щегольствомъ, княгиня по смерти мужа разлюбила наряды, и, по окончаніи двухлѣтняго траура, почти безсмѣнно носила самого простаго покроя платье темнаго цвѣта, на головѣ же лѣтомъ тафтяную, а зимою бархатную шапочку, подъ которую были тщательно подобраны густые и длинные ея волосы.

Елена Петровна была весьма любима царицами Ириною Θεодоровною и Маріей Григорьевной. Зная хорошо царевича Димитрія, она не долго колебалась относительно Самозванца и, изумленная страшнымъ открытіемъ, что царствуетъ обманщикъ, съ ужасомъ предвидѣла бѣдствія, могущія произойти отъ столь неимовѣрнаго злодѣйства. Каждую минуту она ожидала, что сынъ ея, или ближніе ея родственники, справедливо раздраженные дерзостью злодѣя, обратятъ на себя его ярость. Такое опасеніе терзало ея сердце, но не поколебало преданности ея сердца волѣ Божіей. Твердо увѣренная, что Провидѣніе лишь для тайной, великой цѣли допускаетъ торжество беззаконія, она неусыпно старалась развить въ душѣ юнаго князя сильное чувство и безкорыстную любовь къ добродѣтели и отечеству.

Отслушавъ обѣдню и молебень въ день Преображенія Христа Спасителя, княгиня Елена Петровна отдыхала въ небольшой комнатѣ подъ окномъ. Прямо противъ нея были ворота, украшенные рѣзьбою. Подъ растущими съ обѣихъ сторонъ толстыми, вѣтвистыми дубами стояли деревянные скамьи съ высокими спинками. Княгиня любила сидѣть на нихъ и часто, въ хорошую погоду, приходила одна, или съ гостями, любоваться сквозь отворенныя ворота красивымъ видомъ. Съ нѣкотораго времени весь домъ казался погруженнымъ въ глубокое уныніе; не слышно было радостныхъ пѣсенъ; качели были брошены, дорожки, протоптанныя охотниками до горѣлокъ, заросли травой. Только лай собакъ и крикъ гусей и утокъ, плававшихъ по пруду, прерывали необычайное, грустное безмолвіе.

Высокій, сильнаго сложенія старикъ кормилъ пшеничнымъ пирогомъ большую рыжую собаку. Волосы и борода его были совершенно бѣлы, но въ немъ еще не было примѣтно дряхлости, напротивъ все заставляло думать, что онъ поспѣдѣлъ не отъ преклонныхъ лѣтъ, а отъ сердечной печали или тяжелой болѣзни. Онъ то медленно прохаживался, то садился на скамью и, поглядывая, какъ высоко стоитъ солнце, замѣтно тревожился о чьемъ-то слишкомъ продолжительномъ отсутствіи.

Сыто наѣвшись, Любка (такъ называлась собака, бывшая любимицею покойнаго князя) побѣжала къ княгинѣ, но тщетно махала она хвостомъ и тихимъ лаемъ старалась обратить на себя вниманіе. Боярыня сидѣла неподвижно. Прислушиваясь къ происходящему на улицѣ, она трепетала при малѣйшемъ шумѣ, и ея нетерпѣливое желаніе увидѣться съ сыномъ, разставшимся съ нею рано поутру, ежеминутно усиливаясь, наконецъ превратилось въ мучительное ожиданіе какого-нибудь несчастія. Вскарабкавшись на завалины, окружавшія домъ, Любка стала на заднія лапы и, положивъ голову на окно, пристально смотрѣла въ глаза своей госпожѣ, по щекамъ которой струились слезы, чего она сама не чувствовала. Тронутая такою привязанностью, княгиня стала гладить старую собаку, но вдругъ она подняла уши, заворчала и побѣжала съ угрожающимъ лаемъ. Къ ней пристали ея товарищи, и сердитый ревъ ихъ заглушилъ голосъ человѣка, требовавшего, чтобы ему отворили ворота.

Унявъ собакъ, старикъ выглянулъ въ калитку и изумился, узнавъ дороднаго мужчину, пріѣхавшаго на славной, богато убранной лошади.

Что это у васъ за житіе? вскричалъ пріѣзжій сиплымъ голосомъ; въ праздничный день, съ утра сидите взаперти: скорѣе попадешь въ острогъ, нежели въ ваши боярскія палаты! Экое разведено стадо псовъ! Гдѣ вы это набрали такихъ злыхъ пострѣловъ? Будетъ цѣло ваше добро; только смотрите, какъ затравите человѣкъ двухъ-трехъ, не совсѣмъ безродныхъ, не отсыплетесь отъ бѣды и деньгами. Это у васъ все новые обычаи; до меня и не доходило, что Елена Петровна вздумала жить затворницею. Или, можетъ, боится она, что къ обѣду наѣдетъ много гостей: кажись, наша братья не обила еще у нея пороговъ!

— Боярыни нѣтъ дома, отвѣчалъ старикъ, низко кланяясь.

— Вотъ хорошо, а я думалъ, что теперь-то ее и застану. Давно ли она стала такъ легка на ногахъ, что послѣ обѣдни не нужно ей и отдохнуть? Хотѣлось бы мнѣ знать, гдѣ она такъ долго загуляла?

— Вчера за ужиномъ ея милость изволила проговаривать, что у нея обѣщано много молебновъ на сегодняшній день, сказалъ старикъ, вторично поклонясь еще ниже прежняго, отнюдь не изъ почтенія, но чтобы пріѣзжій не примѣтилъ по лицу его, что онъ говоритъ неправду: заставивъ его догадаться, что княгиня дома, онъ бы раздражилъ противъ нея человѣка, съ которымъ ссоры всѣмъ страшились. Въ тогдашнее время считалось величайшею грубостью отказаться отъ чьего-нибудь посѣщенія. Имъ и въ голову не приходило, что гораздо благоразумнѣе заботиться о собственномъ удовольствіи, нежели безпрестанно опасаться оскорбить самолюбіе постороннихъ. Лишь въ самыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, и то съ крайнею осторожностью, отступали они отъ священныхъ для нихъ обычаевъ, которые бы намъ показались нынѣ самымъ тягостнымъ игомъ. **λ**

— Видно нечего дѣлать твоей боярынь, такъ скуки ради таскается по церквамъ и монастырямъ. Кабы пришлось ей жить по нашему, и людямъ услуживать, и о себѣ промышлять, не достало бы времени толковать съ попами и монахами. То-то чай другъ передъ другомъ ублажаютъ ее! А бабамъ, продолжалъ пріѣзжій съ громкимъ, отвратительнымъ смѣхомъ, то и любо, чтобы надували имъ въ уши лести: и умницы и дуры всѣ на этомъ помѣшаны! Ничто же иное тянетъ Елену Петровну изъ дому, животовъ у нея бездна, ближніе ее почитаютъ: о чемъ ей молиться? **♣**

— Какъ боярынь не молиться, кормилецъ, дѣло ея вдовье, времена тяжелыя.....

— Кому теперь тяжело? прервалъ пріѣхавшій, котораго раздутое и красное лицо совсѣмъ побагровѣло. Скоро позабылъ ты Годуновыхъ, и какъ, по ихъ приказу, людей винныхъ и невинныхъ хватили по улицамъ и для забавы мучили! Знаешь-ли, старый хрѣнь, что за такія твои рѣчи оторвутъ у тебя языкъ, да и боярыня твоя напляшется?

— Охота твоей милости слушать вранье мое, сказалъ старикъ, кланяясь почти до земли: я человѣкъ темный; что болтаю, самъ не разумѣю. Слышалъ на рынкѣ, будто ляхи крѣпко обижаютъ кре-

щенныхъ, и спроста не потаилъ отъ тебя чужихъ жалобъ. Боярыня тутъ не при чемъ; боярыня моя умная, съ холопами не совѣтуется; какъ ей за насъ отвѣчать? Нѣтъ, кормилецъ, матушка наша Алёна Петровна ни о комъ худого не толкуетъ и никого не чуждается: и царскіе бояре и паны литовскіе частехонько къ ней жалуютъ и всѣ хвалятся ея угощеніемъ. ✕

— Слушай-же, старикъ: когда боярыня твоя воротится, положи, что къ ней заѣзжалъ князь Василій Мосальскій, и что мнѣ извѣстно, зачѣмъ сынокъ ея изволить по Москвѣ кататься. Напрасно Алёна Петровна забыла пословицу: «старый другъ лучше новыхъ двухъ». Если хочеть дѣло сладить, то пусть ко мнѣ пріѣдетъ; я стану ждать ее до ночи. Но завтра бы уже не ѣздила; на дворъ не пуцу.

Старикъ съ задумчивостью почесалъ въ головѣ.

— Поняль-ли ты, что долженъ сказать своей боярынѣ? спросилъ пріѣзжій.

— Какъ не понять, кормилецъ, я не больно смышленъ, а таки, что слышу, то слышу. Только не знаю я, какъ мнѣ передать наказъ твой, статья можетъ, я и не увижу сегодня ея милость; бываетъ, что она дня по три гостить по обителямъ: инда и въ Троицу отлучится, никому не сказавшись.

Подозрительный Мосальскій внимательно посмотрѣлъ на старика; раболѣпный видъ его и притворное равнодушіе убѣдили его, что онъ сказалъ ему правду; но, потерявъ надежду тотчасъ увидѣться съ княгинею, онъ замѣтно этимъ разстроился, какъ неожиданнымъ препятствіемъ въ исполненіи важнаго намѣренія.

— Ну, прахъ васъ поberi! вскричалъ онъ накоцень, окинувъ глазами обширный домъ со всѣми его принадлежностями. Пусть Алёна Петровна, гдѣ хочеть скитается, сама жалѣть будетъ, коли не увидится со мною!

Мосальскій поворотилъ коня и поскакалъ по улицѣ, ведущей къ Кремлю. Оставшись одинъ, старикъ, затворяя калитку, махнулъ рукою.—Сломить бы тебѣ шею, сказалъ онъ вполголоса; экого гостя занесъ къ намъ лукавый!

— Съ кѣмъ ты такъ разговорился, Сергѣичъ, закричалъ женскій голосъ, не Алешка ли заѣзжалъ сказать, что отыскалъ мою шубу?

— Вотъ тебѣ на; сталъ бы я долго толковать съ нимъ! Развѣ ты не видала, что я чуть не треснулъ лбомъ о землю, отвѣчалъ Сер-

гѣичъ, подошедъ къ крайнему окну, въ которое глядѣла женщина лѣтъ шестидесяти.

Вотъ я ждалъ боярина, а встрѣтилъ князя Василія Михайловича Мосальскаго, который, извѣстно тебѣ, съ Мишкою Молчановымъ и еще двумя разбойниками удушили молодого Государя. Съ тѣхъ поръ онъ не бывалъ у насъ; не знаю, какая нелегкая принесла его сегодня: насилу отъ рукъ оттеръ.

— Упокой, Господи, душу благовѣрнаго царя Ѳеодора! сказала Сергѣичъ, перекрестившись. Поди-ка, хозяйка, прибавилъ онъ, доложи боярынѣ, что мнѣ нужда крайняя видѣть ея милость.

— Скажи прежде, отчего ты такъ туманенъ? Я вижу по лицу, что тебѣ нечѣмъ потѣшить нашу матушку. Чуяло мое сердечушко, что грозитъ намъ бѣда; всю ночь снился черный котъ, такъ на меня и кидался.

— Не хорошо будетъ, если боярыня отъ кого другого свѣдаетъ, что я не допустилъ къ ней гостя. Нечего сказать, не въ добрый часъ взялся я сегодня постеречь ворота: дай Богъ, чтобъ такъ прошло! Ну, да и то правда, кабы меня тутъ не было, кровопійца теперь бесѣдовалъ бы съ боярыней; врядъ-ли догадался бы кто изъ ребятъ сказать, что ея милости нѣтъ дома.

— Ахти, Сергѣичъ, какъ онъ провѣдаетъ, что ты оплелъ его; онъ тебя живого закопаетъ въ землю!

— Двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать. Я и смолоду былъ не больно трусоватъ, а теперь надо помнить, что и такъ не долго гостить здѣсь, что сыну нужна добрая обо мнѣ память: а кто помянетъ меня добромъ, коли на первомъ словѣ выдалъ боярыню. Вѣдь она намъ какъ мать родная! Вѣдь мы живемъ при ней какъ у Христа за пазушкой! Я за нее, нашу кормилицу, готовъ душу положить.

— Что же тебѣ за охота спѣшить къ ней съ худыми вѣстями? И то она четверо сутокъ не кушаетъ и не почиваетъ; дивлюсь, какъ еще на ногахъ Господь носить. Дождемся вечера, авось придетъ отецъ Алексѣй, прежде съ нимъ посовѣтуемся.

— Эхъ, старуха, говорятъ тебѣ, что время не терпитъ! Боярыня умнѣе насъ съ тобою, и не проще отца Алексѣя, не въ обиду будь ему сказано. Она сама обо всемъ разсудитъ не хуже дьяка Государева. То есть, прибавилъ Сергѣичъ, страшась мысли унижить госпожу свою, я говорю о тѣхъ дьякахъ, которые служили истин-

нымъ царямъ, какіе были прежде, что родились и выросли первые послѣ Бога; а Гришкиныхъ совѣтниковъ я не взялъ бы ходить и за коровами.

Старуха всплеснула руками.

— Что ты орешь во все горло, сказала она дрожащимъ голосомъ; ну какъ за стѣною то ляхи притаились; забылъ ты что-ли, что взяли князя Василья Ивановича, такъ и за нашимъ домомъ крѣпко надзирать стали. Вотъ ты всякій день журишь Яшку, что дерзокъ на языкъ, а самъ, того и смотри, посадишь всю семью въ петлю.

— Куда тебѣ весело, сказалъ Сергѣичъ, съ лукавою усмѣшкою покачавъ головою, корить меня за твоего нѣженку; не прикажешь ли мнѣ хвалить его, что перенимаетъ у отца и доброе и худое? Только теперь я не виноватъ; слышала ты, съ какимъ воемъ наши собаки встрѣтили издалека нежданнаго гостя. Нечего бояться, не закрадется къ намъ ни ляхъ, ни злой человѣкъ. Ну, да полно же калякать о пустомъ; ступай скорѣй къ боярынѣ, я дождусь тебя въ сѣняхъ, а Оедьку пошлю къ воротамъ.

Тѣмъ временемъ княгиня Елена Петровна молилась такъ усердно, что до нея не дошло ни одного слова, и она вовсе не воображала, отъ какого противнаго посѣтителя избавилъ ее ея дворецкій, мужъ бывшей ея няни. Когда постучались въ ворота, у княгини замерло сердце, и она поспѣшно удалилась отъ окна и, превозмогая мучительное любопытство, поверглась на колѣна передъ иконами, разставленными въ огромномъ дубовомъ шкафѣ со стеклами. Между сими иконами Елена Петровна особенно почитала образъ Знаменія Божіей Матери, которымъ благословили ее родители подѣ вѣнецъ.

Услышавъ, что отворилась дверь, княгиня встала.

— Это ты, Лукерья, сказала она, увидя бывшую свою няню; вѣрно послышалось кому нибудь, что я тебя кликала.

— Нѣтъ, кормилица, меня никто не посылалъ, я сама пришла провѣдать, не досужно ли твоей милости поговорить съ моимъ старикомъ?

— Ежели у него есть особое до меня дѣло, пусть придетъ; если же хочетъ толковать о чемъ нибудь домашнемъ, то теперь не время; распоряжайтесь сами, какъ знаете, мнѣ не до того.

— Вѣрно, моя родимая, что тебѣ горько; какъ не тосковать твоей душенькѣ! Что мы смыслимъ: а какъ возьметъ раздумье о